

АЛЕКСАНДР ГОРБУНОВ

& *Тузикки*
ПЕЛЕ

ИСТОРИИ
ИЗ СПОРТИВНОГО
ЗАКУЛИСЬЯ

Александр Горбунов

**Пушкин и Пеле. Истории
из спортивного закулисья**

«Спорт»

2016

ББК 75.578

Горбунов А. А.

Пушкин и Пеле. Истории из спортивного закулисья /
А. А. Горбунов — «Спорт», 2016

ISBN 978-5-906839-44-2

Спорт — это не только победы и поражения, голы, очки, баллы и секунды. За всем этим стоят конкретные люди со своими характерами, достоинствами и недостатками. Отдельные короткие истории из спортивного закулисья — веселые и печальные, иногда кажущиеся совсем неправдоподобными, часто называемые байками, мифами и легендами, — собраны автором, известным спортивным журналистом, в одну книгу, которая представит знакомых персонажей в непривычном, не стереотипном виде и будет интересна самому широкому кругу читателей.

ББК 75.578

ISBN 978-5-906839-44-2

© Горбунов А. А., 2016
© Спорт, 2016

Содержание

Вступление	6
I. Большой палец коммуниста	8
Дубленка в электричке	8
Недостроенная дача	9
Королев и Чехов	10
Врач за воротами	11
Сладкая жизнь Мандельштама	12
Билет «Спортлото»	13
Портрет на ковре	14
Прессинг по-узбекски	15
Нерадивый ученик	16
«Ты что, бешеный?»	17
Смех Лобановского	18
Нелетная погода	19
Гол Бахрамова	20
Косяк журавлей	21
Тренерская запара	22
Гауптвахта для Хурци	23
Арест за пиджаки	24
Станный прием	25
Миссия Голодца	27
Туфли англичанина	28
Задержка рейса	29
«Сезон начнешь с живыми...»	30
Открытый футбол	31
«У него все есть!»	32
Проход Джеймса Бонда	33
Футбол – религия	34
Бдительный пограничник	35
Кепка для нищих	36
Тчуйсе и китайский поезд	37
Плата за доход	38
Ловчев и пенальти	39
«Как там ребята в „Курске“?»	40
Шнурок раздора	41
Прорыв канализации	42
Прорыв канализации-2	43
«Правильный английский»	44
«Зеленая» комната	45
Сыновья лейтенанта	46
Опыт малыша	47
«Паф-паф-паф»	48
Амбарный замок	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Горбунов
Пушкин и Пеле
Истории из спортивного закулисья

© Горбунов А. А., 2016

© Издательство «Спорт», издание, оформление, 2016

Вступление

Сочи, март 1975 года. Солнце, расцветающая природа, безмятежность, струящаяся в воздухе. Малолюдные еще набережные, полупустые кафе и рестораны, уютный номер в недорогой гостинице из второго ряда. Огромное количество футбола на тренировках ведущих команд страны и в товарищеских матчах с их участием – что еще нужно молодому, относительно, конечно, молодому, репортеру для полного счастья? Разве только приятные в общении компаньоны на этом празднике, на который я, тассовский журналист, отправился по командировке «Советского спорта» с конкретным заданием – конкретнее некуда – освещать для газеты (а заодно и для ТАСС) очередной тур... женского чемпионата СССР по волейболу. Места для волейбольных заметок газета отводила строк 100, не больше. ТАСС и вовсе нужны были только результаты с одним-двумя абзацами комментариев. Игры, опять же по счастью, проходили обычно в середине дня, и, покончив с волейболом, я присоединялся к старшим друзьям-коллегам – Сергею Шмитько и Валерию Березовскому.

Вместе мы проводили много времени. Ездили на футбольные тренировки. Одни только тарасовские – великий хоккейный тренер Анатолий Владимирович Тарасов волею армейского начальства был брошен в тот год на футбол – чего стоили. Сидели на контрольных матчах. Следили за изменениями в составах, встречались с тренерами и футболистами. Бесцельно бродили по городу, пили кофе, обедали и рассказывали друг другу всевозможные истории из спортивной и футбольной жизни, называемые часто байками, мифами, легендами.

Быть может, именно тогда, в Сочи в 75-м году, я стал эти истории потихонечку собирать. Не специально, разумеется, а – какие попадутся. Запомнившиеся и записанные. Собирал бессистемно. Что-то рассказывали мне из первых уст, что-то рассказывали те, кому рассказали из первых уст, что-то вычитал, что-то происходило непосредственно со мной.

Истории эти – веселые и печальные, реальные и – частично – выдуманные, иногда кажущиеся совершенно неправдоподобными. Но – за что купил, за то и продаю. Спорт вообще и футбол в частности всевозможные истории сопровождают постоянно, без них – никуда, они разбавляют скучноватые порой голы, очки, секунды, представляют характеры в совершенно ином, не совсем привычном – не стереотипном – виде.

Существуют два взгляда на отношение к тем, кто делает литературу, искусство, спорт. Один – ограничиться тем, что они создают, – книгами, фильмами, спектаклями, матчами. Другой – интересоваться человеческими качествами писателей, артистов, художников, тренеров, спортсменов, знать детали жизни тех, чьи имена на слуху (речь не об интересе из желтого ряда).

Истина, как всегда, где-то посередине.

Назвать себя автором всех историй, из которых состоит эта книга, конечно же, не могу. Скорее – собирателем, память которого освежали порой периодические издания, книги, интернетовские страницы. Встреч на спортивных перекрестках было, понятно, множество и рассказов-баек выслушано немало.

Какие-то истории связаны одна с другой – персонажами, событиями, временем. Какие-то – сами по себе. Память – штука удивительная. Выражение «врет, как очевидец» происходящему с ней полностью соответствует. Об одном и том же событии рассказывают по-разному. Хрестоматийный пример – события, связанные с возвращением в октябре 1964 года из Пицунды Н. С. Хрущева, когда на пленуме его снимали с работы. Три версии одного и того же эпизода – прилета Хрущева с юга в Москву.

Публицист Федор Бурлацкий: «Зашел Хрущев в самолет, вся охрана новая, чуть ли не пятьдесят человек, Хрущев попытался посадить самолет в Киеве, экипаж отказался».

Сергей Хрущев, сын Никиты Сергеевича: «Я летел в этом самолете. Хрущев прилетел со своей охраной, он из пятидесяти взял с собой только пять человек. Хрущева встречал начальник 9-го Управления КГБ».

Владимир Семичастный, бывший председатель КГБ: «Мы с Георгадзе были на аэродроме, встречали Хрущева, но Сергея я там вообще не видел. Не было там начальника 9-го Управления, я оставил его в Кремле, мне было нужно, чтобы там был порядок».

Огромная благодарность тем, кто прямо или косвенно помог мне. Это: Павел Алешин, Валерий Асриян, Валентин Афонин, Олег Базилевич, Андрей Баташев, Андрей Биба, Олег Белаковский, Сергей Белов, Валерий Березовский, Борис Бобров, Давид Боровский, Валентин Бубукин, Леонид Буряк, Елена Вайцеховская, Валентин Валентинов, Аксель Вартамян, Владимир Веремеев, Георгий Выюн, Николай Вуколов, Юрий Гаврилов, Михаил Гершкович, Евгений Гик, Юрий Голышак, Владимир Гуцаев, Владимир Дворцов, Заза Джанашия, Иван Едешко, Сергей Емельянов, Алексей Еременко-старший, Алексей Еськов-старший, Артем Ефимов, Валерий Жилиев, Игорь Захаров, Алексей Зинин, Валентин Иванов, Юрий Иванов, Борис Игнатъев, Александр Ирхин, Анзор Кавазашвили, Илья Казаков, Василий Канашенок, Вячеслав Колосков, Анатолий Коньков, Борис Копейкин, Геннадий Костылев, Григорий Крицер, Александр Кружков, Всеволод Кукушкин, Олег Кучеренко, Александр Лактюхин, Александр Левинсон, Игорь Линник, Евгений Ловчев, Геннадий Логофет, Николай Макаров, Максим Максимов, Валерий Маслов, Виталий Мелик-Карамов, Сергей Микулик, Александр Минаев, Евгений Мишаков, Михаил Назаренко, Михаил Насибов, Александр Нилин, Борис Норман, Алексей Орлов, Алексей Панфилов, Алексей Парамонов, Алексей Патрикеев, Владимир Пахомов, Юрий Перескоков, Владимир Пономарев, Александр Ранних, Марк Рафалов, Павел Садырин, Борис Светланов, Юрий Севидов, Алексей Семененко, Виктор Серебряников, Евгений Серов, Никита Симонян, Вениамин Смехов, Григорий Спектор, Анатолий Сучков, Шамиль Тарпищев, Александр Ткаченко, Николай Толстых, Леонид Трахтенберг, Валентин Трояновский, Дмитрий Федоров, Виталий Хмельницкий, Тамаз Хуцишвили, Игорь Чугайнов, Александр Шikuнов, Игорь Шквырин, Эдуард Шкловский, Сергей Шмицько, Валерий Штейнбах, Виктор Шустиков, Валентин Щербачев, Арнольд Эпштейн, Юрий Юрис.

Александр Горбунов

I. Большой палец коммуниста

Дубленка в электричке

В советские времена одной из важнейших форм поощрения ведущих спортсменов были магазины на колесах, или, как их называли футболисты и хоккеисты, автолавки. В определенный день на тренировочную базу завозили коробки с дефицитными товарами, развешивали и раскладывали их в специально отведенном месте, чаще всего в комнатах и залах, предназначенных для проведения в них общекомандных собраний, и начиналась торговля. Иногда, правда, спортсмены отоваривались в специальных секциях крупных магазинов, в 200-й ГУМовской, например, но туда пускали редко, преобладали варианты с автолавками.

После одной из побед хоккейного ЦСКА в чемпионате Советского Союза в расположении армейцев в Архангельском происходила бойкая торговля дефицитом, завершившаяся для команды неожиданно: Министерство обороны расщедрилось на подарки – каждый чемпион получил новенькую дубленку и ондатровую шапку.

Облачившись в обновки, Евгений Мишаков, выдающийся хоккеист, игравший огромную роль в тройке Мишаков – Ионов – Моисеев, умело сдерживавшей любое самое сильное звено соперников, отправился в гости к родственникам. Сам он из-под Егорьевска, сел вечером в электричку, за окном темно, народу в вагоне немного, поднял воротник дубленки, шапку надвинул на нос и слегка прикорнул на скамейке, отполированной сотнями тысяч задниц до зеркального блеска. Постукивают колеса, тепло, идиллия, словом.

На очередной остановке в вагон вошли три парня хулиганистого вида, заметно, что в подпитии. Увидели в уголке человека в новой дубленке и шапке. Подсели и сказали примерно следующее: «Слышь, мужик, как-то несправедливо получается. Мы вот в каких-то курточках мерзнем, без шапок, а ты и в дубленке, и при шапке. Придется поделиться. Давай-ка, сымай».

Мишаков, надо сказать, обладал, несмотря на свой невысокий рост, не только огромной физической силой, с проявлениями которой были знакомы все, с кем он встречался на площадке, но и редким – даже для хоккея – бесстрашием. Он открыл глаза, внимательно посмотрел на объявившихся соседей, поднялся, снял шапку, аккуратно положил ее на скамейку – поближе к окну, и произнес – внятно и доходчиво: «Шапка – х... с ней. А за дубленку поборемся!»

Электропоезд чуть с рельсов не сошел, когда под ударами Мишакова летали, словно бабочки, несостоявшиеся экспроприаторы.

Рассказал однажды эту историю своему другу Николаю Вуколову, классному журналисту-тассовцу, много лет проработавшему в Швеции, влюбленному в хоккей и много писавшему о хоккейных людях. Какое-то издание заказало ему материал о Мишакове, история была рассказана вовремя.

Любой факт, каждую деталь въедливый Николай проверял, сил и времени на это не жалея. Встретившись с Мишаковым, он пересказал ему эпизод из электрички и поинтересовался, сменяемый любопытством: «Женя, было?» «Было, – ответил Вуколову Евгений, грузно навалившись локтями на край стола и внимательно глядя на журналиста своими узкими, но весьма при этом цепкими глазами. – Было, но не совсем так...» Николай рассказывал мне потом, что, услышав «не совсем так», он подумал, что сейчас последует полное разоблачение истории, которую фигурировавший в ней хоккеист объявит вымышленной. «А что не так, Женя?» – спросил Вуколов. «Я тогда, – сказал Мишаков, – не в Егорьевск ехал, а из Калинина в Москву».

Недостроенная дача

Борису Петровичу Игнатьеву, работавшему главным тренером сборной России, позволил в его кабинет на Лужнецкой, где располагались служащие Российского футбольного союза, старинный приятель. В свое время они играли вместе по второй лиге, нынче изредка встречались. К сожалению для обоих – изредка, поскольку графики рабочие не совпадали. Приятель Игнатьева возглавлял совершенно рядовой клуб второго дивизиона, и обратился он к Борису Петровичу с несколько необычной просьбой. «Понимаешь, – сказал приятель, – завтра мы у себя дома принимаем очередного соперника. Матч для нас весьма важный. Арбитром назначен К. Он работает у тебя администратором. Поговори, пожалуйста, с ним. Нам не надо помогать. Не об этом прошу. Главное, пусть судит то, что есть, а при таком объективном судействе мы, поверь, и сами справимся». Борис Петрович не только пообещал поговорить с К., но и поговорил. Тот заверил: «Петрович, даже не переживай, все будет в порядке». Через день, то есть на следующий день после игры, вновь Игнатьеву звонит приятель: «Сгорели 0:2, причем твой, помимо разных мелочей в пользу соперника, придумал пенальти в наши ворота и не засчитал чисто забитый нами гол». Разумеется, Борис Петрович тут же обратился к К.: «Ты что?» «Понимаешь, Петрович, – услышал он в ответ. – Когда выходил на поле, ни на секунду не забывал о твоей просьбе. Но как только вышел, перед глазами сразу же возникла моя недостроенная дача».

Королев и Чехов

Михаил Михайлович Яншин, продолжая играть во МХАТе, возглавлял театр имени Станиславского. Завлитом он взял интеллигентную, высокообразованную Елизавету Исааковну Котову.

Как-то театр гастролировал в Минске. Жили в гостинице рядом со стадионом. Однажды Котова поднималась в лифте с незнакомым человеком. Он спросил:

– Простите, я мог вас видеть с Яншиным?

– Могли.

– Вы его увидите?

– Да, мы будем вместе сегодня обедать.

– Пожалуйста, передайте ему, что я его буду ждать в семь часов у правого входа.

– Передам, но, простите, а кто вы?

– Скажите – Королев.

– Хорошо.

«И вот я, – рассказывала Котова, – спустившись к обеду, сообщаю:

– Михал Михалыч, какой-то Королев просил вам передать, что он будет вас ждать...

Яншин даже не дал мне договорить:

– Какой-то Королев! Ничего себе! Это же знаменитый спортсмен!

– Михал Михалыч! Ну, вы так говорите, как будто бы я Чехова не знаю!»

И совсем парадоксальный ответ, учитывая, что разговаривают главный режиссер театра с завлитом:

«По мне – лучше бы вы не знали Чехова, чем Королева!»

Врач за воротами

В середине сентября 1964 года горьковская «Волга» впервые в своей истории выступала в классе «А» и оставила, надо сказать, неплохое впечатление в некоторых матчах. Например, в матче с отменно выступавшим в первой половине 60-х годов прошлого века «Торпедо». Игра проходила в Москве, счет был 0:0, оставалась минута до конца встречи, и на волжской скамейке уже потирали руки в предвкушении выездного очка, да еще у кого отобранного!

Мяч на этой самой последней минуте оказался в руках у вратаря «Волги» Николая Карасева. Голкипер решил не рисковать и не выбивать мяч на половину поля соперника, который вполне мог за оставшееся время перевести игру к штрафной площадке гостей, а откатил его ближайшему защитнику Анатолию Лунину с расчетом на непременно возврат, что тот непременно мяч Карасеву вернет – в те времена после передачи защитников вратари имели право взять мяч в руки. В конце матчей подобные приемы походили на затяжку времени. Лунин мяч вернул, но сделал это как-то неловко. Он задел бутсой поле, мяч не покатился в руки вратаря, а заковылял. В это время из-за спины защитника «Волги» вылетел неведь откуда взявшийся Валентин Иванов и забил победный для «Торпедо» гол, изящно катнув мяч в ворота.

На следующий же день в Горьком коммунисты Сормовского района публично – на собрании – обвинили Валентина Иванова в неспортивном и безнравственном поведении: как, дескать, мог заслуженный мастер спорта воспользоваться ошибкой своего товарища по футбольному делу?

Но собрание сормовцев – цветочки по сравнению с тем, что произошло по возвращении «Волги» домой. Команду в полном составе вызвали на ковер в кабинет первого секретаря горкома КПСС Михаила Ефремова. Тренер «Волги» Иван Золотухин и отдавший последний пас вратарю Анатолий Лунин не исключали возможности увольнения. Но досталось не им. Свой первый вопрос первый партийный секретарь задал врачу «Волги» Герману Колодзю: «Ведь ты – я видел – стоял за воротами нашей команды. Почему же ты не выбежал на поле и не остановил катившийся в ворота мяч?»

Доктор, как, впрочем, и все вызванные на пропесочивание (среди них был будущий известный тренер Борис Игнатьев), опешил: «Да вы что? Меня бы в Москве сразу арестовали и посадили бы на пятнадцать суток».

«В Москве бы, – сказал первый секретарь, – арестовали. Зато в Горьком памятник бы тебе при жизни поставили».

Сладкая жизнь Мандельштама

Вячеслав Колосков на бойкотировавшейся Советским Союзом и его сателлитами Олимпиаде-84 в Лос-Анджелесе побывал. Должность у него в ФИФА была – ответственный за проведение олимпийского футбольного турнира, председатель его оргкомитета.

Перед возвращением домой Колосков, как водится, накопил сувениров в олимпийской деревне – родным, друзьям и знакомым. А себе – несколько книг, в том числе два тома Мандельштама и два тома Бабеля.

На таможне в Шереметьево Колоскова принялись шмонать. Никогда прежде подобного не было. На этот раз за начальника Управления футбола всесоюзного Спорткомитета взялись основательно. «Так... Мандельштам... Издательство „Посев“... Только не говорите, – предупредил таможенник, – будто не знаете, почему я обращаю на это ваше внимание. Вы наверняка в курсе, что такая литература запрещена к провозу на территорию СССР. Ваши действия, таким образом, квалифицируются как попытка контрабанды. Составляем протокол».

Уже на следующий день были оповещены партком Спорткомитета, Фрунзенский райком КПСС, на территории которого находилась спортивная организация. Колосков, дабы прояснить ситуацию – хотя бы для себя, – поехал в Г лавлит к цензорам, встретился с людьми из КГБ. Показал книгу Мандельштама, изданную в СССР. Цензоры сказали: «Автор тот же, да книги разные. „Посев“ – издательство, печатающее запрещенные у нас произведения. В одном из томов, которые вы привезли, есть стихи, порочащие Сталина» (1984 год!!!). В КГБ в литературные детали вдаваться не стали: «Пусть вашу судьбу решает партком Спорткомитета».

Партком в Госкомспорте возглавлял Виктор Ильич Галаев, бывший комсомольский работник. Он уже через день после приезда Колоскова собрал заседание комитета, дал слово Колоскову для объяснений, как сказал секретарь, «попытки проведения идеологической диверсии». Колосков стал рассказывать собравшимся о русском Серебряном веке, об акмеистах, ярким представителем которых был Мандельштам, даже прочел по памяти:

Я блуждал в игрушечной чаше
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

Галаев прервал Колоскова: «Какие упаднические стихи! И потом, вы цитируете диссидента, он Родину продал за сладкую жизнь, за границу бежал».

«Как продал, куда бежал? – изумился Колосков. – У Мандельштама „сладкая жизнь“ закончилась в ГУЛАГе, он умер в лагере».

Билет «Спортлото»

На одном из первых потоков Высшей школы тренеров учились – и дружили – Геннадий Костылев, Павел Садырин и Эдуард Малафеев. Жили в общежитии в Измайлово, с удовольствием ходили на занятия, в свободное время играли в хоккейных коробках в футбол, друг другу помогали.

Как-то раз вдруг выяснилось, что все трое остались без денег. До стипендии еще несколько дней, а нормально поужинать уже не на что. И вдруг Геннадий Иванович Костылев достает билет «Спортлото» – он поигрывал – и говорит: билет выигравший. Ему, разумеется, не верят. Костылев заказывает такси, тройка садится в машину, отправляется к ближайшей сберегательной кассе, Малафеев и Садырин идут вместе с другом, Костылев сдает билет в окошечко и взамен получает 300 рублей – внушительную по тем временам (конец 70-х годов) сумму.

Конечно же, благо вечер наступил, отправились в центр, поужинали, немного выпили – пятнадцати рублей, между прочим, на вполне приличный ужин с выпивкой в ресторане «София» хватило. Решили прогуляться по улице Горького, нынешняя Тверская. Накапывал дождичек. Садырин, дурачась, нес над Эдуардом Васильевичем, как над своим боссом, зонтик. Малафеев, вспоминал Костылев, шел впереди. У него довольно низко расположен центр тяжести, пятая точка потому слегка отклячена, и модный, плотно сидевший на Малафееве пиджак фалдил (Костылев, надо сказать, придумал замечательный глагол, объясняющий поведение пиджачных фалд на немного откляченной попе).

Садырин и Костылев, о чем-то споря и что-то друг другу доказывая, остановились напротив гостиницы «Минск» и вдруг увидели картину, заставившую их согнуться пополам от смеха. Какой-то мужичок схватил Малафеева, остановку друзей не зафиксировавшего и продолжавшего двигаться вперед, за зад. Эдуард Васильевич, справедливо полагая, что дурачится кто-то из друзей, оборачивается и вдруг видит представителя нетрадиционной ориентации. Малафеев, не раздумывая, хватает его левой рукой за грудки, а правой бьет точно в лоб. Мужичок падает, потом встает, утирается и – чуть не плача, показывая на Садырина и Костылева: «А чего ты? Им можно, а мне нельзя?» Садырин потом долго еще донимал Малафеева: «Смотри, Эдик, будешь плохо себя вести, опять отведу на Горького».

Портрет на ковре

Однажды в советской Средней Азии, в одной глубинной ее части, у моего приятеля, прекрасного журналиста Сергея Микулика, местные футбольные аксакалы спросили совета. Приближался какой-то юбилей начальника Управления футбола Спорткомитета СССР Вячеслава Ивановича Колоскова, и к нему готовились в каждой уважающей себя чайхане. Микулик был приглашен на консультацию: лучшая местная ткачиха-вышивальщица только что закончила трудиться над портретом Колоскова в центре ковра – произведение предполагалось в скором времени послать с ходоками в Москву. Увидев портрет, Микулик сразу вспомнил московский музей Владимира Ильича Ленина, во всяком случае, ту его часть, в которой хранились ковры с изображением вождя мирового пролетариата, присланные монгольской, китайской и вьетнамской компартиями – на них Ильич был вылитым монголом, китайцем и, соответственно, вьетнамцем.

Среднеазиатская мастерица потеряла, видимо, фото Вячеслава Ивановича, на которое ей нужно было ориентироваться. Либо решила, что Колосков непременно должен походить на председателя местной Федерации футбола, только голова у него, как у главного в стране футбольного бая, должна быть умней и больше.

По лицам позвавших Микулика в консультанты людей он понял, что они абсолютного сходства с оригиналом тоже не находят, но коль лучшей по профессии сходства этого схватить не удалось, то от остальных ткачих-вышивальщиц можно было ожидать похожести Вячеслава Ивановича разве что на шефа местной Федерации стрельбы из лука.

Безвыходных ситуаций, однако, как известно, не бывает. Под портретом, к счастью, шел текст в дательном падеже: «Дорогому... с... летием от.» И приятель мой посоветовал все это аккуратно запаковать и в Москву везти, но при вручении ни намеком не дать понять Вячеславу Ивановичу, что на ковре он сам и есть – если, конечно, нет непреодолимого желания, чтобы местную команду с чемпионата страны сняли, – а мимоходом заметить, что изображен на нем герой народного эпоса, к футболу никакого отношения не имевший.

Прессинг по-узбекски

Игорь Шквырин, поигравший во многих командах, в частности, в «Днепре», «Алании», «Пахтакоре», в израильских клубах, закончил школу тренеров, получил лицензию и стал работать в узбекском «Алмалыке». Базировался «Алмалык» километрах в пятидесяти от Ташкента. Хозяин команды сказал Шквырину, что третье место, дающее право играть в азиатском клубном турнире, ему не нужно – не потянет финансово. Не нужно – значит, не нужно. Заняли четвертое место.

По-русски многие игроки «Алмалыка» не только уже не говорят, но и не понимают. На теоретическом занятии Шквырин поинтересовался у одного футболиста, знает ли он, что такое прессинг.

– Знаю, – ответил игрок.

– Расскажи.

Молчание.

– Так знаешь или нет?

– Знаю.

– Расскажи.

Вновь молчание.

Третий раз – то же самое. На четвертый говорит:

– Прессинг – это когда вы кричите.

Нерадивый ученик

Самые популярные на Олимпиадах игровые виды спорта – футбол, баскетбол и волейбол. В Москве в 1980 году все ждали побед от футболистов, относительно сильными соперниками которых были только команды из стран социалистического лагеря, баскетболистов – их шансы в отсутствие бойкотирующих Игры спортсменов США заметно повышались, и волейболистов. Футбольная и баскетбольная сборные, несмотря на то, что их возглавляли такие сильные тренеры, как Константин Иванович Бесков и Александр Яковлевич Гомельский, на домашней Олимпиаде опростоволосились, а вот волейбольная команда во главе с Вячеславом Платоновым выиграла титул олимпийского чемпиона. Она победила во всех матчах, уступив за весь турнир всего две партии.

Чемпионов, как водится, поощрили – ордена, медали, премии. Платонов, награжденный орденом Дружбы народов, почти три недели после Олимпиады наслаждался отдыхом с семьей в Эстонии, отводя душу рыбалкой – самым любимым занятием.

Потом он вернулся в Ленинград. Ехал как-то по делам на своей новой «Волге» и возле рынка увидел пытавшуюся поймать такси школьную учительницу. Платонов, конечно же, остановил машину, помог пожилой женщине устроиться внутри и, вернувшись на водительское место, спросил:

- Вам на улицу Восстания?
- Откуда вы знаете?
- Я учился у вас. Слава Платонов меня зовут.
- Вспомнила. Я всегда говорила твоей матушке, что дальше таксиста ты не пойдешь.

Платонов не стал ее разубеждать, но от рубля, которым пыталась отблагодарить его за проезд учительница, понятно, отказался.

Вечером того же дня учительница, каким-то образом раздобыв номер телефона в его новой квартире, позвонила Платонову и поздравила его с победой на Олимпиаде. Вернувшись с рынка, она, оказывается, рассказала своим детям о случайной встрече с нерадивым учеником Славкой Платоновым, а дети ей объяснили, кто выступал в роли водителя.

«Ты что, бешеный?»

Александр Яковлевич Гомельский, где бы он ни находился, всегда бегал по утрам. О пользе бега ему постоянно рассказывал известный спортивный врач Олег Маркович Белаковский. Он, к слову, сам каждое утро наматывал по несколько километров.

Однажды во время бега на Александра Яковлевича набросилась собака – было это в Москве. Она прокусила штанину тренировочных брюк баскетбольного мэтра и немножко оцарапала зубами ногу. Гомельский и так-то собак не любил, а после этой истории стал не любить их еще больше и на пробежки брал с собой палку.

Конечно, когда он бежал с командой кросс на сборах в Одессе, никакой палки в руках у него не было – бежавшие следом огромные баскетболисты всегда могли спасти тренера, причем не только во время нападения собаки. Но встреча с собакой состоялась и во время этого кросса – бежали по широкой аллее, усаженной кустами акации. И далее – слово участнику кросса, сыну Александра Яковлевича Владимиру, поведавшему эту историю в своей замечательной книге «Папа. Великий тренер»:

«Навстречу кроссу идет одесситка со здоровенной собакой. Как сейчас помню, это была восточноевропейская овчарка. Лохматая, у нее язык на бок свисает, и, соответственно, видны приличных размеров зубы. Папа, как только ее увидел, перешел на бодрый физкультурный шаг. Ну, нам только этого и надо! Ведь идти гораздо проще, чем бежать. Мы идем и радуемся этой собаке гораздо больше, чем радуется ей папа. Когда до хозяйки собаки остается метров десять-двенадцать, папа вместо „Здравствуйте, доброе утро“ произносит:

– Почему собака без намордника?

Ответ следует мгновенно, мы же в Одессе:

– На себя надень намордник.

Смеяться нам нельзя. Никто даже не фыркнул, хотя все уже покатывались со смеху, и только зубы сильнее стиснули. Не доходя до женщины метров пять, отец говорит:

– Но она же может укусить!

На что хозяйка собаки отвечает не задумываясь:

– Она еще в жизни никого не покусала!

Папа:

– А меня укусит.

И опять одесский ответ без секундного замешательства:

– Ты что, бешеный?

Вот тут мы и не выдержали. Мы поломали все эти несчастные кусты акации, потому что просто повалились в них от смеха».

Смех Лобановского

Валерий Лобановский улыбался редко. Еженедельник «Франс футбол» в заметках об аргентинском чемпионате мира 1978 года писал: «На улицах Росарио перед матчем Аргентина – Польша видели одинокого, механически шагающего Валерия Лобановского, невеселого тренера киевского „Динамо“, которого еще называют украинским Бастером Китомом (Лобановский, впрочем, сравнение с выдающимся комиком мирового кино назвал „приятным, но надуманным“»).

Рассмешить Лобановского, тем более на людях, было практически невозможно. Тем не менее игроку киевского «Динамо» Диме Михайленко однажды удалось это сделать. Киевляне – не только у себя в стране, но и в Европе – первыми стали вести видеозапись всех тренировок. На базе в Конча-Заспе шел разбор одного занятия. Лобановский остановил на экране ход игрового упражнения, объяснил, что в этом эпизоде оставили без опеки Володю Федорова. «Кто играл с Федоровым?» – довольно резко спросил тренер. В просмотрном зале повисла тишина. Пауза. Вдруг голос Михайленко, заставившего смеяться всех – футболистов и тренера: «Могильный и Буре».

Нелетная погода

На какие только ухищрения команды из провинции не пускались ради достижения приемлемого результата. Тренер Александр Аверьянов, например, когда работал в находкинском «Океане», накануне домашнего матча с московским «Спартаком» велел залить поле водой, чтобы оно превратилось в болото. Техничные спартаковцы, привыкшие к быстрому футболу, в болоте, понятно, застряли – 1:1. Огромное «достижение» «Океана»! Примерно то же самое проделывал в Нижнем Новгороде Валерий Овчинников.

В Элисте руководители «Урала», нынче с лица футбольной земли исчезнувшего, заставляли работников стадиона рисовать новую разметку поля, заметно его сужая. За день до игры разметка была одна, и инспектор матча удовлетворенно кивал головой, а перед игрой – иная, и изменить что-либо уже не было времени. Страдали команды, привыкшие играть широко, с постоянным использованием флангов.

Иногда хозяева поля в жару пригоняли к гостинице автобус, предварительно обдав его водой – внутри создавался парниковый эффект. Едешь на игру, пот ручьями, а кондиционеров нет.

Чита, по свидетельству известного арбитра Игоря Захарова, в различных периферийных командах поигравшего, славилась другим. У клуба были хорошие связи в аэропорту. Иногда сопернику организовывали «нелетную погоду», и гостевой команде приходилось добираться через Иркутск. В 2009 году схожая история произошла с футболистами подмосковных «Химок», которым пришлось добираться в Нальчик, использовавший читинский опыт, на такси из другого города.

Гол Бахрамова

Бакинский судья Тофик Бахрамов обслуживал в качестве судьи на линии финальный матч чемпионата мира в Англии и зафиксировал тот знаменитый гол, о котором до сих пор спорят. Мяч попал в крестовину, ударился об землю и вылетел в поле. К Бахрамову подбежал главный судья матча швейцарец Динст, задал советскому рефери какой-то вопрос на английском языке, Тофик, говоривший только по-азербайджански и по-русски, ответил, не задумываясь, «Yes!» и уверенно побежал к центру, гол засчитали, англичане победили.

«Папа, – рассказывал репортерам спустя сорок с лишним лет после финала сын Тофика – Бахрам, – мне потом открыл секрет, как он определил, что гол Херста надо было засчитывать. Сетку ворот тогда делали из шелка, она очень нежная и податливая, не то, что сейчас. Поэтому при ударе мяча о каркас ворот она по-своему амортизировала. Так вот, когда Херст забивал гол, отец увидел, что сетка после удара англичанина шелохнулась вверх так, как только она это делает, если мяч касается о внутреннюю поверхность перекладины. А значит, и мяч летел уже не строго вниз, а чуть наискось, во внутреннюю сторону ворот. Такие дела. Хотя видеоповторы этого гола до сих пор не могут однозначно показать – был гол или нет. Я вот смотрел отборочный матч чемпионата мира Россия – Германия осенью 2009 года, там было предельно ясно, что швейцарский судья должен был дважды назначить пенальти в ворота немцев. Но не назначил. Так что пусть они не обижаются, что не в их сторону свистят!»

В Баку приезжала съемочная группа немецкого телевидения – снимали фильм про Тофика Бахрамова, интервью брали у сына. И все допытывались: «Ну, может быть, когда Тофик домой из Англии вернулся, он вам за ужином как-нибудь признался, что гола на самом деле не было?» «Все жилы, – говорит Бахрам, – из меня вытянули. Но я не сдался, стоял на своем – был гол, и все».

Никита Павлович Симонян часто при встречах «травил» Бахрамова:

– Тофик, ну скажи честно: был гол или нет?

Сначала тот уверенно отвечал:

– Был, честное слово!

Но потом переориентировался и говорил уже:

– Слушай, откуда я знаю?! Тридцать пять метров до ворот было! Что там увидишь?!

Косяк журавлей

Телекомментатор Александр Ткачев рассказывал:

«Идет 93-я минута матча с участием дышавшего на ладан „Торпедо – ЗИЛ“, 0:0, ноль ударов в створ ворот. И тут вдруг кто-то по левому флангу ускоряется (уже событие), проходит метров 15, режет угол и наносит мощный удар. Вратарь даже не дернулся. А режиссер за минуту до гола увидел, как над стадионом летит стая птиц: ранняя осень, красивый план. И все операторы свои камеры устремили в небо, снимать косяк журавлей. И вот я бьюсь в экстазе, кричу, что чудо голевое увидел. А мне в гарнитуру говорят: „Чудо оно чудо, только гол никто не видел“. Я не растерялся и говорю зрителям: „Гол вы не видели, но на повторе точно все сможете посмотреть“. Снова в ухо: „Нет, на повторетоже ничего не увидят. Мы все снимали журавлей“. Как этот мяч залетел, помню только я и 200 болельщиков, сидевших на стадионе. Всем остальным я сказал: „Вы, конечно, не видели, но даю слово: гол был классный“.»

Тренерская запара

Из одного футбольного поколения в другое переходят истории о том, как тренеры, пребывая во власти игры, совершенно невпопад оценивали то или иное событие. Однажды Евгений Филиппович Лемешко, работавший в харьковском «Металлисте», после матча хлестко, с присущей ему иронией распекал одного из футболистов за неправильные, на взгляд тренера, действия на поле...

Игрок порывался что-то ответить, но Лемешко говорил ему: «Не перебивай меня» и продолжал «разбор полетов». Футболист, наконец, сумел вклиниться в паузу и быстро, чтобы успеть, выпалил: «Да я же не играл!» «Не играл? – Лемешко удивленно посмотрел на собеседника. И добавил: – И не будешь играть».

Известна ситуация разбора одного из матчей «Зенита», проигранного командой в чемпионате Советского Союза в начале 80-х годов. Дмитрий Баранник, игрок «Зенита» той поры, рассказывал, как бушевал на разборе Юрий Андреевич Морозов, исключительно трудно переживавший каждое поражение. Морозов сполна выдал всем, кто выходил на поле. Разбирал по косточкам каждый эпизод.

Дошло дело до углового удара. Тренер в гневе: «Посмотрите, как вы расположились! О чем вы думаете? Никто никого не держит, соперник по штрафной, как у себя дома, ходит! Вы вообще в футбол умеете играть или нет?» Возразить в то время Морозову – было просто самоубийством. Но кто-то из стариков, по воспоминаниям Баранника, все же решился и робко произнес: «Юрий Андреевич, так это же мы угловой подаем».

В годы, когда Никита Павлович Симонян работал главным тренером «Спартака», у него в команде играл нападающий Георгий Князев. Как-то раз спартаковцы проводили товарищеский матч в Петрозаводске. И Князев на поле был вездесущ: его можно было видеть в обороне, в середине поля, но только не там, куда его поставили играть, то есть – в нападении. Симонян действиями Князева остался недоволен и, когда команда в перерыве появилась в раздевалке, объявил о его замене. Форвард сел на скамейку, снял бутсы, стал уже выбивать из них грязь, и тут в раздевалку вошел начальник команды Николай Петрович Старостин. Он тоже, естественно, видел, как играл Князев, подсел к нему поближе и принялся рассказывать, как следует действовать центральному нападающему: «Ты должен впереди искать свой шанс, биться там, открываться под передачи!..» И давал ему установку до конца перерыва. Раздался звонок, вызывавший команды на второй тайм. Все встали и вышли из раздевалки. Князев, разумеется, остался. Николай Петрович удивился: «А ты что же сидишь?» «Меня же заменили, Николай Петрович», – ответил нападающий. «Заменили? Так какого же черта я с тобой тут распинаясь целых десять минут?»

Гауптвахта для Хурци

Церемонии награждения победителей чемпионатов мира и Европы всякий раз обставляются по-разному. Каждая следующая обычно не похожа на предыдущую. Одной из самых красочных церемоний называют состоявшуюся в Лондоне по завершении ЧМ-1966. Она проходила на великолепно декорированной площади возле отеля «Хилтон».

Команды, выигравшие призы (чемпионы мира – англичане – были награждены золотыми медалями, немцы – позолоченными, португальцы, занявшие третье место, – серебряными и футболисты сборной СССР, оказавшиеся четвертыми, – бронзовыми медалями), подвозили к площади на «именных» автобусах, игроки выходили из них и выстраивались по ранжиру.

Шикарнейшая, свидетельствует игравший тогда за сборную вратарь Анзор Кавазашвили, обстановка. Вокруг – весь бомонд: английские официальные лица, деятели из ФИФА и УЕФА, приглашенные на церемонию гости. Но никто из них так и не понял, почему вдруг в один из моментов вся советская делегация, во всяком случае, игроки, покатились со смеху.

А произошло вот что.

Перед входом на площадь выстроились королевские гвардейцы в медвежьих папах, красных мундирах, золотых эполетах и каждой входящей команде кланялись до земли. Первыми мимо них прошли англичане, следом – немцы и португальцы. Советская сборная, понятно, шла четвертой. Сначала руководство, потом Лев Яшин, за ним – вся команда. «За мной, – вспоминает Кавазашвили, – шел Муртаз Хур – цилава. Он посмотрел на то, как гвардейцы чудно до земли кланяются, изумился, поцокал языком и спросил у меня: „Анзор, чего это они делают?“ Кавазашвили ответил: „Это, Хурци, английские генералы. Они так честь отдают. И каждому, кто к армии или милиции отношение имеет, нужно им так же ответить. Я-то из „Торпедо“, мне не надо. А тебе, как динамовцу, необходимо“. Засомневавшийся было защитник из тбилисского „Динамо“ по-грузински поинтересовался у шедшего за ним одноclubника Георгия Сичинавы: „Это правда?“ Моментально врубившийся в ситуацию Сичинава спокойно ответил: „Конечно. А если не отдашь честь, могут и на гауптвахту посадить. Ты, Хурци, поступай, конечно, как хочешь, но я им отвечу“. Подошла советская команда к гвардейцам, они и ей – в пояс, и вдруг из строя вышел Хурцилава и на глазах у всех собравшихся в ответ тоже отвесил поклон до земли. „Словами, – говорит Кавазашвили, – зрелище это не описать. Мы так и рухнули, долго еще отойти от увиденного не могли и, наверное, выглядели на церемонии награждения самыми довольными“.»

Арест за пиджаки

С пребыванием футбольных команд на крупных турнирах, их отъездами домой после чемпионатов мира и Европы связано немало любопытных историй. Одна из них относится к периоду английского чемпионата мира 1966 года, на котором советская сборная находилась в шаге от финала.

Команда тогда подобралась очень сильная. Ее «родителем», конечно же, следует считать Константина Ивановича Бескова, который двумя годами ранее привел сборную ко второму – «серебряному» – месту на чемпионате Европы, за что был политическими и спортивными властями СССР с должности снят. Между тем, останься Бесков во главе той сборной, она могла бы в Англии «выстрелить» еще громче. Так, между прочим, считал и Валерий Васильевич Лобановский.

Но, так или иначе, сборная-66, которую тренировал Николай Петрович Морозов, дошла до полуфинала, в котором ей противостояла сборная ФРГ с молодым Францем Беккенбауэром в середине поля.

После четвертьфинального матча с венграми, как ни странно, не последовало никаких накачек, собраний, требований к игрокам клятвенно заверить руководство в том, что они «непременно выигрывают у немцев». Напротив, Морозов сказал команде: «Молодцы! Дело сделали. После вас лет пятьдесят никто до полуфинала чемпионата мира не доберется». Прекрасный защитник из той сборной Владимир Пономарев вспоминал как-то, что слова Морозова, с пониманием воспринятые, в определенной степени команду расслабили. Некоторые футболисты стали чаще появляться в баре отеля, нашли товарищей по нарушению режима. Ими оказались вылетевшие из чемпионата швейцарцы, жившие в той же гостинице, что и советская сборная. Дня за два до полуфинала СССР – ФРГ швейцарцы привычно коротали время в баре – следующим утром им предстояло улетать. Советские футболисты составили улетающим компанию, разумеется, выпили «на швейцарский посошок», а потом, задумавшись, как бы оставить о возникшей дружбе память, решили обменяться специально пошитыми к чемпионату мира пиджаками. Цвета они были одного – только гербы на карманах, понятно, разные.

Руководитель советской делегации, глава тогдашнего Спорткомитета Юрий Машин проживал в отеле в номере, окно которого выходило прямо на гостиничный выход. Выглянув утром в окошко, чиновник обнаружил, что игроки в пиджаках с советскими гербами грузят вещи в автобус и сами в него садятся. Чертыхнувшись мысленно на тех, кто его вовремя не разбудил, Машин, словно по тревоге, собрал вещички, оделся и пулей вылетел к автобусу, и сборная Швейцарии искренне удивилась появлению возле своего автобуса странного русского с большим чемоданом в руках, кого-то выискивавшего глазами...

Собрание в сборной СССР состоялось сразу после завтрака. Юрий Машин, не остывший еще от утреннего приключения, на полном серьезе сказал игрокам: «Всех, кто не сдаст пиджаки с гербом СССР, по приезде арестуют».

Странный прием

Бакинская команда «Нефтчи» после первого круга футбольного чемпионата СССР 1979 года пребывала на последнем месте. Ее тренировал Игорь Нетто, выдающийся в прошлом футболист, один из сильнейших полузащитников Европы второй половины 50-х и первой половины 60-х годов прошлого века, капитан «Спартака» и сборной СССР. Регалий, словом, у Игоря Александровича было много, но с тренерским делом у него не заладилось. По мнению Виктора Понедельника, партнера Нетто по сборной, выигравшей в 1960 году первый розыгрыш Кубка Европы, по тренерской стезе Игорь не пошел, потому что «считал, что уровень мастерства его игроков должен соответствовать уровню его мастерства, а этого и близко не было и быть не могло».

В Баку, к тому же, Нетто оказался в условиях закавказской специфики, понять которые и, тем более, чувствовать себя в них, как рыба в воде, мог лишь кто-то из местных. Нетто уволили. Спасать команду позвали Ахмеда Алескерова, некогда с «Нефтчи» работавшего, но потом с должности главного тренера снятого. У Алескерова уже была основательно подпорченная репутация (тренер-махинатор, футбольный делец, герой нашумевшего фельетона «Непоплаемый», лишенный званий «заслуженный тренер Украины и Azerbaijan»), но на самом азербайджанском верху считалось, что спасти «Нефтчи» мог только он. Возможно, одной из причин такого мнения стала, каким бы странным ни показалось это предположение, именно его репутация. У него сложились прекрасные отношения со многими арбитрами – и все об этом знали. Алескерову всегда готовы были прийти на помощь коллеги, поделившись очечком-другим. И Ахмед Ляtifович коллектив «Нефтчи» в высшей лиге оставил: 14-е место при 18 участниках чемпионата. Сразу пять команд – «Локомотив», «Кайрат», «Нефтчи», ростовский СКА и московское «Торпедо» – набрали по 24 очка, а вылетели из «вышки» луганская «Заря» (20), еще семь лет назад становившаяся чемпионом страны, и «Крылья Советов» (19). Концовка турнира прошла под диктовку спасшихся.

Обычно плохие результаты становились в СССР причиной начальственного разгона, но в конце 1979 года произошло невероятное: 14 декабря «Нефтчи» в здании ЦК Компартии Azerbaijan принял первый секретарь ЦК Гейдар Алиев. В его кабинете, по свидетельству очевидца, корреспондента агентства Азеринформ (местный ТАСС) Валерия Асрияна, собралось все руководство республики. Впустили футболистов и тренеров. Они расселись за длинным приставным столом и на стульях, расставленных вдоль стены. Слово предоставили Алескерову. Го – ворил он, поблагодарив руководство республики за постоянную заботу, долго: о трудном сезоне, о том сложном положении, в каком находилась команда, когда он в нее пришел... Говорил, словом, так, что все должны были понять, кому они обязаны спасением «Нефтчи». Ахмеду стали задавать вопросы. Один из них был сформулирован следующим образом: «Почему команда столь неуверенно играет в защите?» «Объективно, – ответил Алескеров, – по своим физическим возможностям мы уступаем большинству других команд, особенно российским. Ведь мы – люди низкорослые (сам Алескеров действительно был маленького роста и пытался компенсировать этот недостаток ботинками на высоком каблуке), соперники, как правило, превосходят нас в росте, и это, прежде всего, затрудняет игру в защите, особенно, когда идет борьба за верховые мячи».

Ответ Алескерова на безобидный, казалось бы, вопрос вызвал гневную реакцию Алиева, весьма для собравшихся неожиданную. Первый секретарь ЦК резко встал, лицо его, по словам сидевшего неподалеку Асрияна, потемнело: «Мы отвергаем этот ваш тезис, товарищ Алескеров. Решительно отвергаем (жестикация Алиева не оставляла никаких сомнений относительно решительности). Мы, азербайджанцы, – горный народ. А горные люди – высокорослые. Так что ваши объяснения оскорбительны для нас».

Сам Алиев, надо сказать, был высок, здоров, представительен. Под стать ему был и секретарь ЦК Кямран Багиров. Самыми маленькими среди собравшихся были футболисты и председатель Совета министров Али Ибрагимов.

Тягостную тишину нарушил председатель Спорткомитета республики Геннадий Рзаев, постаравшийся выручить Алескерова: «Гейдар Алиевич! Алескеров не совсем точно выразился. Он хотел сказать, что просто в команде сейчас подобрались в основном низкорослые футболисты. Речь идет только о команде». «Ну, это другое дело, – успокоился Алиев. – Значит, надо подбирать игроков с соответствующими физическими данными».

Валерий Асриян поведал, что у него было предчувствие: Алиев должен сказать нечто важное, объясняющее причину этого исключительно странного приема. И он – сказал: «Вчера мне звонил Леонид Ильич Брежнев. Он просил передать свои поздравления трудящимся нашей республики в связи с успешным окончанием года, отличными показателями. Леонид Ильич сделал это с присущей ему теплотой. А в конце разговора товарищ Брежнев сказал: „Все ты там, в Азербайджане, поднял, Гейдар. Вот только футбол поднять не можешь“. И мне нечего было возразить Леониду Ильичу».

Миссия Голодца

Динамо́вское нача́льство отпра́вило одна́жды изве́стного специа́листа Ада́маса Соломо́новича Голо́дца в Ба́ку за двумя хоро́шими молоды́ми футбо́листами, кото́рых следо́вало при́звать на во́инскую слу́жбу в «Динамо́». Ада́мас Соломо́нович прие́хал, бы́стренько че́рез соотве́тствующие слу́жбы оформи́л надле́жащие бума́ги и посчи́тал мисси́ю выполне́нной. Не тут-то́ было! В Ба́ку о визи́те Голо́дца и, соотве́тственно, о це́ли визи́та прозна́ли, толпу́ боле́льщиков, не жела́вших отпу́скать веду́щих игро́ков, наве́ли на ме́стное динамо́вское ве́домство, штаб-кварти́ра кото́рого распола́галась в це́нтре горо́да. Ада́мас Соломо́нович бы́л вынужде́н укрыва́ться в зда́нии респу́бликанского сове́та обще́ства «Динамо́», как в ино́странном посольстве́.

Пре́бывая в оса́де, он позвони́л в Москву́ посла́вшему его́ в Ба́ку генера́лу МВД. Тому́ уже́ все объ́яснили звонко́м из ЦК КПСС, куда́, в свою́ очередь, обрати́лся азе́рбайджанский ру́ководите́ль Ге́йдар Али́ев: «Динамо́», деска́ть, кра́дет футбо́листов, насе́ление возму́щено, наро́д на поро́ге бу́нта.

«Э́то кто говори́т?» – поинте́ресова́лся генера́л у Голо́дца. «Майо́р Голо́дец, – отве́тил Ада́мас Соломо́нович, – зада́ние выполне́но. Они́ уже́ погра́ничники. Оба́. Докуме́нты при мне́». «Во́т что, майо́р, – сказа́л генера́л. – За выполне́ние зада́ния благода́рю, но докуме́нты на́до неме́дленно́ уни́чтожи́ть. Пу́тем съеда́ния».

Туфли англичанина

Известный украинский телекомментатор Валентин Щербачев, постоянно ездивший на международные матчи с киевским «Динамо», рассказывал:

– Я не стеснялся перед началом игр обращаться к тренерам «Динамо» за составами. И никогда не имел отказа у Валерия Лобановского. В Кубке чемпионов-87 «Динамо» играло в Глазго с «Селтиком». Там ко мне буквально «прилип» английский комментатор, который просто не верил, что мне удастся заполучать составы в этот раз. «Нам же их никто не даст», – говорил он. Но никаких проблем не возникло. Из раздевалки «Динамо» вышел Анатолий Пузач и продиктовал состав. Затем я сбегал в раздевалку соперников и проделал то же самое. Потом, чтобы успеть к началу игры на свои места, нам пришлось быстро перебежать через поле, в нарушение правил. Я успел увернуться от полицейского, а англичанина дубинкой зацепили хорошо, даже плащ порвали. А потом оказалось, что для того, чтобы попасть на наши места, необходимо, как на турнике, сделать «выход силой» – только так можно было на дощатый помост. Мне это удалось, а он мужик грузный. Местные фаны, думая, что повисший комментатор – журналист из СССР, начали забрасывать его банками из-под напитков и стянули туфли. Я с большим трудом затащил коллегу наверх.

Задержка рейса

Известная российская футбольная команда возвращалась из-за границы. Один из игроков в полете закадрил стюардессу. Они договорились встретиться сразу после прилета. «Только я выйду позже пассажиров», – сказала стюардесса. «Ничего, я подожду», – ответил футболист. Прошел он пограничный контроль, таможенный. Ждет и в процессе ожидания звонит жене. Надо ведь как-то объяснить ей, почему он домой приедет только утром, а быть может, даже в первой половине дня. Жена на телефоне. «Знаешь, – говорит он ей, – у нас задержка рейса. Часов на шесть. А то и больше. И лететь четыре часа. Так что...» Закончить фразу ему не удалось. На голову футболиста обрушилась женская сумочка: «Я тебе покажу задержку рейса!» – жена игрока решила сделать мужу сюрприз и, узнав, когда и куда прилетает команда, приехала в аэропорт.

«Сезон начнешь с живыми...»

Одно из упражнений, придуманное хоккейным тренером Виктором Васильевичем Тихоновым, игроки ЦСКА называли «Сантьяго» в «честь» чилийского путча с расстрелом инакомыслящих на столичном стадионе. Упражнение такое: надо было пробежать 16 раз по 400 метров с короткими паузами. Хоккеисты – народ крупный, жара под 30, пульс запредельный, врачи наготове – сразу при необходимости откачивают. Все армейцы мучились, только Хельмуту Балдерису все нипочем: он это с Тихоновым в рижском «Динамо» проходил.

Нагрузки, предлагавшиеся футболистам Павлом Яковенко, блестяще игравшим когда-то в киевском «Динамо» и сборной СССР и ставшим последовательным сторонником тренерских методов Валерия Лобановского, пытались было сравнивать с армейскими нагрузками, но с подобными сравнениями не согласен Андрей Тихонов, и в армии послуживший, и под началом Яковенко какое-то время поработавший. «Армия, – говорит Тихонов, – это совершенно иное. Там я был готов физически так, как ни в одной команде меня бы не подготовили. Тест Купера, длина которого три километра, в сапогах по асфальту я пробегал за 10 минут – на две минуты быстрее нормы. А у Яковенко... Встаешь в полседьмого утра, выпиваешь стакан сока, – и на пляж на зарядку. По песку вдоль берега мы бегали семь раз по 500 метров. Пробежал отрезок, потом пауза две минуты, и обратно. Когда ты делаешь это в семь утра, мозг практически отключен. Видишь точку, в которую надо бежать, и делаешь это».

В «Спартаке» при Олеге Ивановиче Романцеве основной экзекуцией называлась «максималка»: бег рывками, от бровки до бровки, на протяжении 20–22 минут или, когда Романцев доберет, 12 минут.

«Я „максималку“ сам бегал – у Бескова, – говорит Романцев. – Упражнение помогает тренеру определить, в каких кондициях находятся игроки. И не наказание это вовсе, как многие считают, – проверка. Барометр, если хотите. Для каждого футболиста. Провел „максималку“ в полную силу, все честно выдержал, остался на ногах – значит, ты в хорошей физической форме, можешь заниматься с мячом и так далее. Нет – извини. Стонут футболисты? В конце концов – тренер всегда прав! А если не прав – смотри „пункт первый“.»

Как-то раз Валентин Борисович Бубукин, назначенный главным тренером ЦСКА, пришел к Анатолию Владимировичу за советом. Совет понадобился Бубукину вот в связи с чем. В ЦСКА, сообщил он Анатолию Владимировичу, призваны перед сезоном аж 60 (шестьдесят!) новых футболистов, как же выбрать лучших? «Валя, – сказал ему Тарасов. – Вези всех на сборы, гоняй что есть силы. Сорок умрут, а с двадцатью оставшимися в живых ты начнешь сезон».

Открытый футбол

«Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». Исаак Ньютон, облекший свою гениальную научную деятельность в простейшую формулировку, не только отдал должное предшественникам, но и призвал никогда не забывать о гигантах, подставивших плечи для размещения на них последователей, причем не обязательно вовсе, что – единомышленников.

В каждой области человеческой деятельности – свои гиганты. В каждой плоскости. В отечественной футбольной журналистике одним из несомненных гигантов был Геннадий Радчук. Он рано ушел из жизни – в 61 год. Для меня время «после Радчука» превратилось во время без звонков от него, без характерного голоса, без деликатного «Ты не мог бы для нас обзор. Нет, не следующего тура, а через тур.

Можно в четверг сдать...», без встреч – в редакции на улице Архипова или в западном крыле гостиницы «Россия», где официант Ваня лучше нас знал, что мы хотим выпить и чем желаем закусить.

В еженедельнике «Футбол», которому на какое-то время навязали дополнительное имя – «Хоккей», Радчук, выпускник МГИМО, был и ответственным секретарем, и заместителем главного редактора. В начальника Радчук никогда не играл. Да, он занимался организационной работой, да, понимал, что выпуск еженедельника – конвейер, без автоматизма которого не обойтись, да, шумел на задерживающих заметки и фотографии авторов. Но – оставался репортером. Всегда.

Только репортерское чутье, например, отправило Радчука в конце чемпионата 1969 года не в Киев, где в матче за первое место бились «Динамо» и московский «Спартак», а в Кутаиси, где встречались средненькие команды – местное «Торпедо» и ростовский СКА, которым в турнире ничего уже не было нужно. О том, что он увидел, Радчук написал в еженедельнике: «Любопытен случай в Кутаиси, когда, словно по мановению волшебной палочки, в матче с редким счетом 3:3 два игрока, претендующих на приз лучшего бомбардира, – Херхадзе и ростовчанин Проскурин, – провели по три мяча. Даже благодушная, немногочисленная аудитория в тот день на местном стадионе почувствовала себя сконфуженной, наблюдая за тем, как шла игра в поддавки. Гармония взаимной любезности процветала. Когда мяч оказывался у любого игрока красных (цвет ростовчан), у любого, кроме того, который был под номером девять, вы могли вообще отвернуться от поля с полной гарантией, что ничего не произойдет. Под номером девять играл Проскурин. То же самое относится к белым (цвет торпедовцев). Только на „десятку“ (под этим номером играл Херхадзе) стоило обращать внимание. Весь матч нанесли удары по воротам лишь эти двое. Больше никто. Оставалось лишь гадать, сколько мячей они забьют при символическом противодействии защиты соперников. Я думаю, что по четыре выглядело бы слишком сенсационно, а по два могло не хватить. Сошлись на трех. Каждому понятно желание команды помочь своему бомбардиру в споре за приз самого результативного игрока. Можно понять, когда такому игроку доверяют бить пенальти, штрафной чаще играют на него. Но в Кутаиси было нечто иное. „А где доказательства?“, – скажут мне. В данном случае не нужны свидетельские показания и протоколы допросов. Футбол достаточно открыт и очевиден».

«У него все есть!»

Геннадий Радчук, прекрасно владевший английским языком, время от времени ездил с футбольными командами в зарубежные турне в роли переводчика. Однажды какой-то миллионер из Австралии, странным образом оказавшийся фанатом московского «Динамо», пригласил столичную команду посетить Австралию и Новую Зеландию, взяв, понятно, все финансовые затраты – переезды, отели, питание – на себя.

Динамо в конце февраля – начале марта 1971 года сыграли шесть товарищеских матчей. Не с клубами, а со сборными различных новозеландских и австралийских штатов. Три встречи они выиграли, две завершили вничью, а последнюю – сборной штата Новый Южный Уэльс – проиграли с минимальным счетом 1:2. После проигранного матча австралийский миллионер устроил гостям шикарный прием в полностью соответствовавшем этому мероприятию помещении пятизвездного отеля. Застолье предварял аперитив, официанты разносили напитки, не только, конечно же, безалкогольные, организатор поездки подошел к микрофону и принялся что-то говорить по-английски. Футболисты, пусть ничего практически не понимая, вежливо спичу внимали. Никита Павлович Симонян, возглавлявший делегацию, время от времени поглядывал на Радчука, который неторопливо потягивал джин с тоником. Через минуту-другую Симонян прошептал в сторону Радчука: «Ген, чего он говорит?» Радчук увлеченно занимался джином. Симонян повторил вопрос громче. Та же реакция. Наконец Никита Павлович обратился к Радчуку почти в полный голос: «Ген, ну чего он говорит? Чего ему надо?» Радчук допил порцию джина и ответил: «Никита, ничего ему не надо. У него все есть».

Проход Джеймса Бонда

На чемпионате мира в Италии в 1990 году журналисты, как, впрочем, почти на всех последующих турнирах тоже, имели возможность посещать лагеря команд в специально отведенные для этих мероприятий часы. Следовало лишь зафиксировать в пресс-центре свою заинтересованность, узнать, когда в расположение той или иной команды отправится специальный автобус, и не опоздать на него.

В один из дней я выбрал сборную Англии. Мы приехали в ее лагерь. Нас попросили подождать, и мы, коротая время у ворот английской тренировочной базы, стали свидетелями забавного эпизода.

К англичанам в гости приехал знаменитый актер Шон О'Коннори, исполнявший, как известно, роль Джеймса Бонда во многих фильмах об агенте 007. Попастъ в лагерь без специального разрешения, хлопотать о котором должны те, кто живет в лагере, было практически невозможно. О'Коннори, выйдя из автомобиля, смело направился к калитке, вход в которую перегораживал внушительных габаритов карабинер, вооруженный пистолетом, дубинкой и наручниками. Карабинер поинтересовался, куда это так уверенно направляется синьор.

– У меня там назначена встреча, и меня ждут, – ответил актер.

– Ваша фамилия, синьор? – спросил карабинер, доставая из бокового кармана форменного платья список людей, которым в тот день дозволялось, в соответствии с заявкой, попасть по ту сторону калитки.

– Моя фамилия Бонд, – сказал О'Коннори. И привычно, как отвечал в фильмах 007 своим многочисленным противникам, добавил: – Джемс Бонд.

– Прошу вас, мистер Бонд, – опешив, сказал карабинер, который наверняка видел киноленты про легендарного агента британской разведки, не знавшего поражений в более серьезных эпизодах, нежели проход в какую-то калитку, за которой играют в карты, загорают, спят, едят и готовятся к матчам какие-то футболисты, пусть даже они и участвуют в чемпионате мира.

Футбол – религия

Давид Боровский, выдающийся театральный художник, рассказывал мне. Он в 1998 году ставил во Флоренции оперу Шостаковича (Давид потрясен тем, что в кабинете Шостаковича висел портрет несопоставимого по масштабам и значимости с Мастером композитора Матвея Блантера – только потому, что тот написал футбольный марш: Шостакович был страстным поклонником футбола):

«Я вернулся днем (суббота, 11 апреля 1998 года, канун Пасхи) с прогулки в квартиру, которую мне снимали на время работы во Флоренции. Сонливо поел спагетти. Включил телевизор – там был телевизор с огромным, метр, наверное, на метр экраном. Показывали какой-то фильм о жизни Христа, скорее всего, голливудский, судя по масштабам сцен и актеров. Стал смотреть. И вот сцена. Христос на Голгофе, крупный план его страдающего лица. Последние мгновения его жизни. Один из пиков фильма. В это время в правом нижнем углу телеэкрана появляется бегущая строка: „Рома“ – „Интер“ – 1:1. Дальше. Христос воскрес. Хор мощно поет Алилуйя. В том же правом нижнем углу еще одна строка: „Парма“ – „Наполи“ – 2:1. Удивительная страна! Футбол – религия».

Бдительный пограничник

На отборочные матчи чемпионатов мира и Европы в гости к футбольным «карликам» континентальные гранды летают в полурасслабленном состоянии, заранее приплюсовывая себе очки, и осечек обычно никогда не бывает: ведь противостоят профессионалам обыкновенные любители.

Однажды – историю своей бывшей газете поведал Иван Эйинссон-Эстурланд, в прошлой жизни Иван Москаленко, некогда работавший в «Спорт-экспрессе», а потом обосновавшийся на Фарерах, – сборная Италии прилетела на Фарерские острова. В аэропорту Вагар, из которого в столицу – Торсхавн – путь не близкий, без паромной переправы не обойтись, визитеры проходили паспортный контроль. У тренера итальянской команды Роберто Донадони заканчивался срок действия паспорта. Фарерский пограничник на даты внимание обратил и сказал Донадони: «Советую вам, чтобы не возникло недоразумений во время следующих поездок, как можно быстрее решить вопрос с продлением срока действия документа».

Донадони поблагодарил бдительного пограничника, положил паспорт в карман куртки и поинтересовался, придет ли пограничник завтра на стадион поболеть за свою сборную. «Нет», – ответил пограничник. «Почему?» – спросил итальянский тренер. «Потому что я выйду против вас играть», – ответил пограничник, он же – полузащитник сборной Фарерских островов Томассон.

Кепка для нищих

Однажды Аркадий Романович Галинский, блестящий журналист, привез из Киева кепку букле, пошитую ему местным портным. Он ходил по коридорам «Советского спорта», где тогда работал, всем кепку показывал и рассказывал, что сшита она по последней французской моде, таких в Москве ни у кого больше нет.

Вечером Аркадий Романович отправился на футбол. На верхотуре лужниковского стадиона (ложа прессы раньше находилась там) он продолжал хвастаться обновкой. Среди репортеров – до начала матча оставалось примерно полчаса – стоял щупленький пожилой человек, подписывавшийся под заметками о зарубежном футболе «В. Владимиров». И книги об иностранных командах, чемпионатах различных стран и крупных международных турнирах он издавал под этим же именем. Еще с довоенной поры он дружил с вечным московским корреспондентом агентства «Франс пресс», спортивной газеты «Экип» и ряда других французских газет и журналов Жаном Но. Тот прекрасно говорил по-русски, его знали спортивные журналисты Москвы многих поколений, звавшие Жана Иваном Ивановичем, он снабжал Владимирова, блестяще владевшего иностранными языками, не только специализированными футбольными изданиями из Англии, Франции, Испании и Италии, но и привозил иногда другу из-за границы кое-что из одежды. Привез, в том числе, и кепку, которая в момент триумфа Аркадия Романовича оказалась на голове Владимирова. Старичок снял ее и робко сказал: «У меня тоже французская». Галинский взял владимировскую кепку, внимательно ее осмотрел, убедился по нашивке, что она действительно французская, признал сей факт, но громко сказал при этом, возвращая головной убор владельцу: «Во Франции такие носят только нищие».

Тчуйсе и китайский поезд

«В декабре 2000 года мы с Борисом Игнатьевым, – рассказал в своей книге „Деньги от футбола“ Владимир Абрамов, известный футбольный эксперт, многие годы занимавшийся командированием советских и российских тренеров за рубеж, – возвращались с переговоров из Тяньцзина в Пекин. Время приближалось к Рождеству – билетов на поезд ни в СВ, ни купейных не было, и мы ехали с простыми китайскими рабочими в плацкартном вагоне. Разговор плавно коснулся темы темнокожих футболистов в российских клубах. Я спросил Бориса Петровича, что он думает по поводу предоставления камерунскому футболисту московского „Спартака“ Тчуйсе российского гражданства для последующего выступления в составе сборной России. Спросил, видимо, не вовремя: Игнатьев как раз укладывал свой багаж на верхнюю полку и, отвлекшись на вопрос, расслабил опорную руку, рухнул вниз и ударился головой об угол (к счастью, обтянутый плотной кожей) подвесной спальной полки. Ирина Ивановна, жена Игнатьева, не на шутку испугалась и укоризненно посмотрела в мою сторону. А Борис Петрович потер лоб, и лицо его растянулось во всегдашней обезоруживающей улыбке.

Он сел на свое место и возбужденно сказал: „Володя, ну, это только неумные люди могут такое сотворить! С какого это фига негры должны играть в сборной России?! Мы что, уже совсем того? – он покрутил пальцем у виска. – Я даже не хочу на эту тему говорить...“ Игнатьев разволновался не на шутку: „Кто-то из журналистов брякнул, кто-то из тренеров подхватил, а я вот тут должен биться головой у китайцев в поезде!“»

Плата за доход

Финский хоккеист Лео Комаров, игравший в «Торонто», оштрафован в Финляндии на 35 600 долларов за превышение скорости. Сумма штрафа в этой стране зависит от размера дохода.

Прочитав заметку о Комарове, вспомнил свою историю. Ехал как-то, работая корреспондентом ТАСС в Финляндии, из Хельсинки в Тампере по делам. Раннее летнее утро. Шоссе почти пустое. На одном из участков превысил скорость. Вижу в зеркальце приближающуюся полицейскую машину. Мне приказывают остановиться. «Нарушил», – констатирует полицейский. «Нарушил», – соглашаюсь. Садимся в его машину. Составляет протокол. Один из пунктов – размер дохода. Честно называю цифры ТАССовской зарплаты. Полицейский аккуратно вписывает их в соответствующую графу, внимательно смотрит на меня и с каменной физиономией говорит: «Еще бы чуть-чуть поменьше, и мы бы были тебе должны.»

Ловчев и пенальти

Однажды защитник «Спартак» и сборной Советского Союза Евгений Ловчев, никогда не примирявшийся с несправедливостью, отменил систему проведения чемпионата СССР, придуманную в Управ – лении футбола и в секторе спорта отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС.

«Дело в том, – рассказывает Ловчев, – что „умные“ головы взялись найти противоядие договорным матчам. Думали-думали, наконец осенило: если основное время завершилось ничью, значит, дальше надо бить пенальти. Кто больше забьет – тому очко. Какой-то матч был, по-моему, в Ростове, когда команды били по 18 или 20 пенальти. Вратарей можно было после таких игр в психушку отвозить... На следующий год этот вердикт был усовершенствован до полного абсурда: если ничья, то бить по пять пенальти, если снова ничья – каждому по очку. Первая игра была у нас в Донецке. Я – капитан. Закончили по нулям. Подходит донецкий капитан: „Ну что, как бить будем?“ – „Забиваем по три“. Подхожу к ребятам: „Так, ты – забиваешь, ты – нет...“ Гена Логофет бил последним – мимо, как и надо. Хорошо, по очку получили. В мае выходим на матч с тбилисцами в Москве. Опять – 0:0. Опять пенальти. Каха Асатиани подходит: „Как бьем?“ – „По три в цель“. – „Договорились“. Возвращаюсь к ребятам: „Так, ты – забиваешь, ты – нет. Гена, ты мимо“. – „Жень, я в прошлый раз уже не забивал – все, хватит“. Хватит, так хватит, сам пробью последним. Выхожу на точку: вот мяч, там – ворота, и надо сделать так, чтобы он в них не попал. Неприятное, скажу вам, ощущение. Не по себе как-то. В конце концов, плюнул, разбежался и пульнул мяч к угловому. Стою, улыбаюсь, а все это крутят по телевизору – крупный план на всю страну... Кошмар! Скандал вселенский! В экстренном порядке собралась спортивно-техническая комиссия Федерации. Сидели, решали, какую бы кару Ловчеву дать. Большинство склонялось к дисквалификации. Старостин в Тарасовку приехал: „Дела скверные, очень!“ – „Ладно, – говорю, – я им тоже жизнь устрою. В суд подам: нервный срыв на почве пенальти. Пусть расхлебывают“. Но обошлось... А пенальти эти идиотские отменили».

«Как там ребята в „Курске“?»

Многие европейские хоккеисты, играющие в клубах НХЛ, отпускные дни стараются проводить дома, дома же и начинают, обычно в августе, готовиться к новому сезону. Шведы в этом плане не исключение.

Однажды мой друг Николай Вуколов, многие годы работавший в отделении ТАСС в Стокгольме, собрался взять интервью у одного из лучших игроков мирового хоккея – Матса Сундина. Коля позвонил в Шведский хоккейный союз, без проблем получил номер телефона игрока, дозвонился до него, договорился о беседе и уже на следующий день встретился с высоким, статным, светловолосым, всегда улыбчивым и дружелюбным Сундином во дворце «Юханнесхоф», после тренировки.

Разгоряченный тренировкой и душем, Матс вышел из раздевалки в малиновой футболке, поздоровался с Вуколовым. Они нашли местечко, где можно было спокойно поговорить, расположились. «А скажи, Матс, – начал было журналист бодрым тоном, – как тебе...» «Подожди, – слегка поморщился Сундин. – Подожди. Скажи-ка лучше сначала, как там ребята в „Курске“?»

Коля рассказывал мне, что его горло перехватил спазм. Он никак не ожидал такого поворота беседы. Тем августом, в те самые дни, когда он встречался с Сундиным, весь мир, в том числе и Швеция, затаив дыхание, следил за событиями вокруг российской субмарины. «И теперь, – говорил мне Коля, – когда я читаю в газетах репортажи о матчах, в которых Сундин забивал голы и делал результативные передачи, я всегда вижу его нахмуренное лицо, и мне слышится тот самый вопрос: „Как там ребята в „Курске“?“»

Шнурок раздора

«Однажды, – рассказывал Владимир Петрович Кесарев, – Миша Месхи, с которым мы дружили, больше месяца со мной не разговаривал. Играли мы как-то с тбилисцами у них. Счет ничейный. Я никак к нашим атакам не могу подключиться – Миша за мной внимательно приглядывал. Как, впрочем, и я за ним во время тбилисских атак. И вот мяч у нашей команды, а мы с Мишей стоим за центром поля. Миша вполглаза на меня посматривает. И тут я ему говорю: „Михо, шнурок у тебя развязался, завяжи“. Только он нагнулся, а потом присел, я рванул вперед и поучаствовал в атаке, оказавшейся, к нашей радости, голевой. Миша на меня: „Как тебе не стыдно? Я с тобой больше не разговариваю!“ Действительно, перестал разговаривать. В общих компаниях встречаемся – не смотрит даже на меня. В сборную приезжает – молча проходит мимо. В сборной я перед ним и извинился: „Михо, ты уж прости меня, чего не хотел, так это обидеть тебя“. Простил».

Прорыв канализации

История о Вадиме Синявском, рассказанная Владимиром Перетуриним:

– Приключился с ним однажды такой случай. В послевоенные годы матчем сезона была игра ЦДКА – «Динамо». Стадион, как всегда, переполнен. На эту встречу обязательно приезжали шеф «Динамо» Лаврентий Берия и симпатизировавший ЦДКА Василий Сталин. Комментаторская кабина на динамовском стадионе находилась как раз над правительственной ложей, а наверху туалета никогда не было – ни в те времена, ни перед началом реконструкции арены. Еще дядя Коля Озеров, помню, всегда напоминал мне, если я отправлялся на «Динамо» вести репортаж: «Вовочка, не забудь внизу сходить в туалет».

Синявский вел репортаж по радио со второго тайма, поэтому по ходу первого позволил себе выпить пивка, бутылочки две-три, и перед репортажем, поскольку в туалет сходить было некуда, он прошел в конец коридора и в укромном уголке справил нужду. А когда начался репортаж, к нему в комментаторскую кабину вдруг влетают люди в штатском, все, как один, в хромовых сапогах, и строго спрашивают: «Где тут у вас канализацию прорвало? В правительственную ложу капает». Синявский в ответ недоуменно пожал плечами и показал на микрофон. Сегодня над этим можно посмеяться, а тогда, узнай пришельцы истинную причину «потопа», было бы не до смеха.

Прорыв канализации-2

А вот как историю практически о том же самом – с участием Вадима Святославовича Синявского – рассказывает Владимир Писаревский (это – к вопросу о мифологии, обозначенному во вступлении к книге):

– Только что построили Лужники. Комментаторская кабина располагалась на пятом или шестом этаже. Но вот незадача – туалета рядом не было. А Синявский всегда перед репортажем имел обыкновение наведаться туда. Что делать? А тут какой-то люк небольшой, от вентиляции, похоже. И проблема снята. И вот какой-то международный матч. С участием сборных. Кто-то из правительства, как нам сказали, должен был быть. Синявский свое дело сделал. Минут за десять до начала. Вдруг раздается в дверь кабины ужасный стук. Открываем. Стоит на пороге высокий плотный человек в сером костюме и громовым голосом обрушивается на нас: «Вы что себе позволяете, что вы тут безобразничаете, а?» Синявский к нему с его такой характерной скороговорочкой: «Дорогой, что такое, в чем дело?» – «Я полковник госбезопасности, – отвечает пришелец. – Из службы охраны Никиты Сергеевича Хрущева. Все сейчас в правительственной ложе собрались, и вдруг сверху что-то закапало, прямо на Никиту Сергеевича. Оказалось, что моча. Представляете, какое состояние у Никиты Сергеевича! Мы пригласили инженера, ответственного за коммуникации, и этот болван указал, что это из комментаторской кабины через вентиляционную трубу может происходить. Чем вы тут занимаетесь, это провокация...» Честно говоря, я струхнул. Но отнюдь не Синявский. Он вдруг взорвался своим резким фальцетом, на несколько тонов выше привычного: «Вон отсюда, чтоб духа вашего здесь не было!» И мы начали вести репортаж, предварительно закрыв дверь. А после матча пришел к нам в комментаторскую тот же самый человек, но уже ниже травы, тише воды. «Знаете, – говорит, – какая-то неприятная ситуация вышла. Вы же понимать должны. Но Никита Сергеевич сказал, что вас знает, просил передать привет.»

«Правильный английский»

Последний матч под руководством Бориса Петровича Игнатьева, возглавлявшего тогда национальную команду, сборная России проводила в мае 1998 года в Тбилиси. Матч, разумеется, товарищеский.

Команду, прилетевшую из Польши, разместили за оградой правительственной дачи. Нас, «обозников» – журналистов, представителей фирмы – экипировщика сборной – в одной из тбилисских частных гостиниц. Прилетели из Польши поздно вечером, устали с дороги, «слегка» поужинали – лишь на два часа гостеприимные хозяева, никак не желавшие понять, что перед двумя матчами неплохо было бы и отдохнуть, сумели растянуть привычную церемонию застольной встречи.

Два матча – это игра молодежных команд России и Грузии в Гори и матч первых сборных в Тбилиси. Перед поездкой в Гори нас повезли на хаш. Когда я заикнулся было, что на часах, дескать, одиннадцать, какой хаш, он ведь рано утром, мне ответили: «Не все ты знаешь. Есть хаш для ленивых – в любое время».

Хаш для ленивых, путешествие в Гори на микроавтобусе, за рулем которого находился брат Саши Чивадзе, игра молодежных составов, возвращение в Тбилиси... На матч едва не опоздали, да и вообще все могло плохо закончиться – на въезде в город на скорости полетело колесо, брат многолетнего капитана сборной СССР чудом успел выправить положение.

Качество футбола во встрече первых сборных было не самым, мягко говоря, высоким, ничья 1:1, но интерес публики к игре – огромный. Стадион переполнен – 75 тысяч зрителей. Молодые грузины демонстративно не говорят по-русски. С нами пытаются только по-английски. Судит азербайджанский арбитр Сулейманов. Карточки – нужные и ненужные – раздает направо и налево. Чувствует себя хозяином на поле. И когда не дает в российские ворота пенальти за снос Зазы Джанашия в штрафной площадке, весь стадион, забыв о своем «правильном английском» и о родном грузинском, принимается на чистом русском языке скандировать: «Судья – пидо...с!»

«Зеленая» комната

Ольга Трофимовна Подуран почти пятьдесят лет проработала на базе киевского «Динамо». Не могу вспомнить ее официальную должность, но комфорт и уют для динамовцев в Конча-Заспе всегда создавала «мама Оля», как звали ее игроки. Она знала, кто что любит, всегда на сей счет интересовалась у официанток и старалась сделать так, чтобы каждому было хорошо, чтобы каждый чувствовал себя на базе как дома.

Иногда в «зеленой» комнате – на кухне, там, где режут овощи, – по распоряжению Ольги Трофимовны ставили ящик пива (а то и не один), и футболисты перед ужином пропускали по стаканчику-другому для аппетита, пропадавшего после изнурительной работы.

Подозвал как-то Ольгу Трофимовну Валерий Васильевич Лобановский и спросил: «Трофимовна, куда это они бегают один за другим?» – «А ругать не будете?» – «Нет, конечно». И Трофимовна призналась. «Ладно, – сказал Лобановский, – продолжайте. Но только, чтобы я не знал».

Сыновья лейтенанта

Осенний вечер. Известный наш клуб играет в Лондоне матч в рамках Лиги чемпионов. За сутки до игры в пятизвездном отеле президент клуба Т. в спокойной обстановке бара наслаждается комфортом, атмосферой, общением с друзьями. Перед ним бокал с замысловатым коктейлем, в руке – сигара.

В отсек, в котором отдыхает Т., заглядывает известный футбольный агент Л. и говорит, что именно он сумел недавно продать защитника клуба в другую команду, а потому просит у Т. 10 процентов комиссионных. Фокус, однако, заключался в том, что в истории с защитником был тот самый редкий случай, когда президент клуба сам продал игрока, договорившись с президентом клуба-покупателя напрямую. И, разумеется, гордился и удачной сделкой, и тем, что удалось совершить ее самому, без привлечения посредников. Именно поэтому агент Л. был немедленно послан по известному адресу.

И ничего любопытного в этой ситуации, весьма для взаимоотношений между агентами и клубными руководителями заурядной, нет, о ней можно было бы немедленно забыть, если бы...

Минут через пятнадцать после ухода Л. к президенту клуба заглянул еще один агент, с порога объявивший, что защитника продал именно он и ему за это причитаются 10 процентов комиссионных. «Сыновья лейтенанта Шмидта! – воскликнул Т. – И где? В Лондоне!» Новый претендент на 10 процентов был послан по тому же адресу. «Слышишь, ты, – сказал ему Т., – там в коридоре братишка твой бродит. Вы бы с ним договорились, что ли?»

Т напрасно успокоился. Минут через десять заходят оба и говорят: «Мы договорились. Каждому по 5 процентов».

Опыт малыша

В 2008 году Геннадий Орлов вел репортаж для питерского ТВ о матче «Терек» – «Зенит». В комментаторскую кабинку он пригласил Анатолия Тимощука, отбывавшего дисквалификацию за перебор желтых карточек. Орлов обращался к Тимощуку с вопросами по тому или иному поводу. Футболист высказывал свое мнение.

В один из моментов Геннадий обратил внимание на активность румынского полузащитника «Терека» Флорентина Петре. «Интересный футболист, – сказал Орлов. – Очень опытный. Ему тридцать два года. Он 166 раз выступал в составе сборной Румынии. Надо же, такой титулованный игрок – вдумайтесь только: 166 раз! – и приехал играть к нам. Ну, ладно...» В это время Тимошук, ознакомившись со списком игроков грозненского клуба, робко заметил: «Знаете, Геннадий Сергеевич, а 166 – это его рост».

«Паф-паф-паф»

Василий Арсеньевич Жильцов до приезда в Москву, где он руководил отделом спорта в журнале «Смена», а потом возглавлял издательство «Физкультура и спорт», работал в тбилисской русскоязычной молодежной газете и курировал раздел спорта.

Он рассказывал мне, как однажды в редакцию пришла девушка и принесла письмо, в котором она и ее подруги по ткацкой фабрике обратились с просьбой к газете рассказать о молодом тогда виде спорта – биатлоне. «Меня, – вспоминал Василий Арсеньевич, – просьба эта, признаться, удивила, но я заверил девушку, что мы обязательно расскажем подробно читателям о биатлоне».

Девушка, поблагодарив, ушла, а минут через пять в кабинете Жильцова появился один из внештатных авторов газеты Генрих Хачкованян. Позже он, как и Василий Арсеньевич, тоже переберется в Москву и будет работать в спортивной редакции ТАСС. А пока он, молодой журналист, пришел к Жильцову с новыми идеями для материалов. Предложил одну тему, затем другую. А потом говорит: «Слушай, Вася, тебе не нужна статья про биатлон? Я вот сегодня ее написал». И достает из портфеля несколько листочков.

Василий Арсеньевич сначала обомлел, потом все понял и листочки взял. Материал начинался так («Я запомнил это на всю жизнь», – сказал мне Жильцов): «„Паф-паф-паф“, – раздались в лесу выстрелы. „Что это такое?“ – подумает удивленный читатель.»

Амбарный замок

В 1997 году в рамках празднования 100-летия российского футбола в Лужниках устроили матч сборной России со сборной ФИФА. Команду звезд тренировали Бобби Робсон и Бора Милутинович. Жили гости в «Президент-отеле». За день до игры они отправились разминаться на резервное поле лужниковского стадиона. В назначенный час автобус заехал за сборной ФИФА в гостиничный двор через боковые ворота, а выезжать должен был – места для разворота не было – через главные. На них висел огромный амбарный замок. Кто-то из персонала побежал искать охранника. Нашли. Охранник никак не мог открыть замок – в пору ломом поддевать. Прибежал еще один охранник. Еле-еле минут через десять замок им открыть все же удалось. Пока они обливались потом у ворот, Робсон, как потом рассказал переводчик Савелию Мышалову, которому отвели роль врача команды звезд, спросил, повернувшись к Милутиновичу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.